

Культура - 2002 - 11-18 Дек. - с. 7

# Ностальгия по XX веку

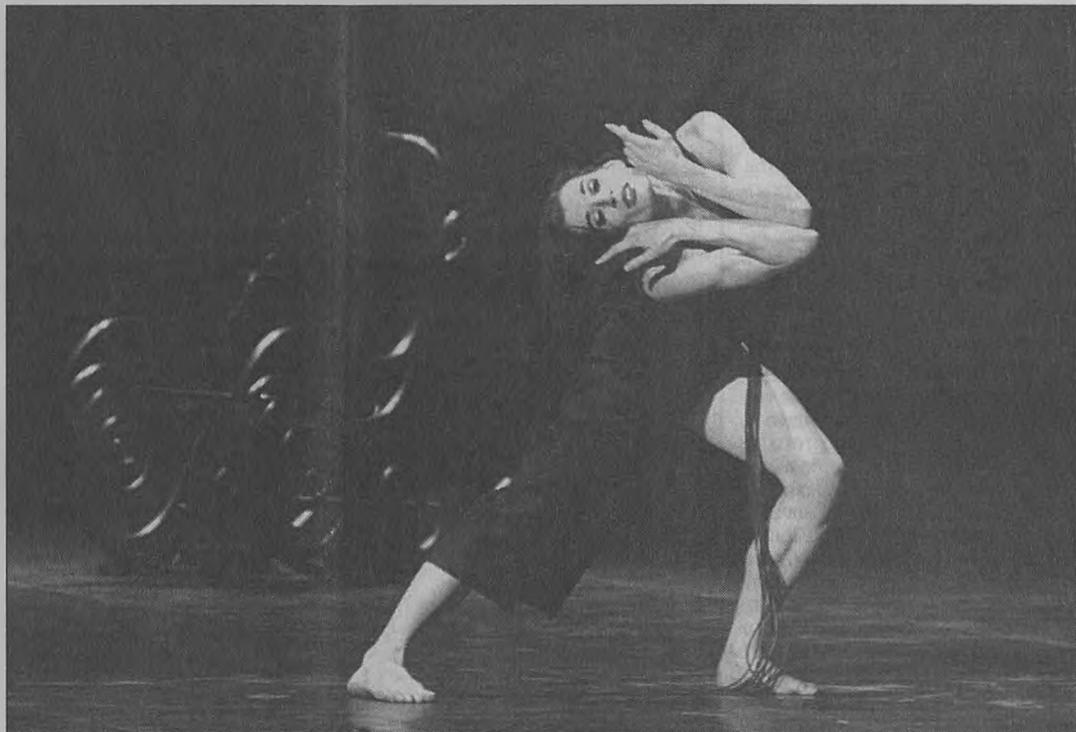
Гастроли Бежара в Кремле

Морис Бежар хорошо известен в России. Его помнят, его любят, его ценят. Нетерпеливо ждут каждого его появления, надеясь на открытия и откровения.

В свой пятый приезд французский мэтр-академик привез программу под многообещающим названием "Лучшее из Бежара", куда вошли четыре пропитанных ностальгией произведения. Два из них ("Концерт для скрипки" и "Жар-птица") посвящены Игорю Стравинскому, музыка которого сыграла решающую роль в карьере знаменитого хореографа: именно с его "Весны священной" (1960) и началась международная слава Бежара. В третьем ("Брель и Барбара", 2001) балетмейстер вспоминает своих друзей – двух популярных французских шансонье 60-х годов, уже покинувших наш мир. Да и бежаровское "Болеро" Равеля (1960), давно ставшее классикой современной хореографии, – еще одно напоминание о триумфах середины прошлого века...

За последнее десятилетие сильно изменились мир, эстетика танца, состав труппы "Бежар Балле Лозанн", в ней теперь нет ярких индивидуальностей. Неизменным остался только сам Бежар, легко узнаваемый как по лексике, так и по постановочным приемам. Он до сих пор обожает самодично появляться перед спектаклем на сцене, где танцовщики при открытом занавесе проделывают свои бесконечные экзерсисы. Так когда-то начинался его балет "Ромео и Юлия" (1966) на музыку Г.Берлиоза, так сегодня начинается и "Скрипичный концерт"...

На этот раз Бежар поведал зрителям занятный эпизод своего знакомства с Игорем Стравинским, упомянутым в одной из его книг, – словно ребенка, он принес на руках преста-



Э.Рос. Сцена из балета "Брель и Барбара"

релого композитора, не смогшего одолеть самостоятельно крутую лестницу в концертный зал. По завершении его рассказа начался бессюжетный балет – почерк балетмейстера угадывается уже с первых па, которые встречаются в каждой постановке. В отличие от Баланчина, Бежар никогда не блистал в области бессюжетного балета: бежаровская постановка "Скрипичного концерта" явно уступает баланчинской, давно признанной лучшей среди прочих. Тут сравнения не в пользу нашего

знаменитого гостя – в свое время его бессюжетные композиции неплохо смотрелись лишь в контексте полнометражных концептуальных постановок, хотя сами по себе не представляли особой художественной ценности. Их трудно причислить к лучшему, что создано Бежаром. Да и его лозаннская труппа в классике не очень-то сильна...

Ностальгическими воспоминаниями овевана и его "Жар-птица" (1970), показанная Бежаром еще во время первых гастролей в России его неза-

бываемого бельгийского "Балета XX века". Тогда его танцевальная сюита о повстанцах и революционерах, показанная на сцене все того же Кремлевского дворца, где и сейчас выступала бежаровская труппа, была созвучна времени, замечательно вписывалась в международный исторический контекст. Да и центральную партию в ней танцевали такие "светоносные", харизматичные танцовщицы, как его незаменимый премьер Хорхе Донн, (в Парижской Опере – Микаэль Денар). Нынешние бе-

жаровские исполнители, здорово натасканные на его хореографии, тем не менее осмыслить ее не в силах – проблематика балета давно утратила свою актуальность, она вне сферы интересов нынешней молодежи. Не говоря уже о том, что к очень русской музыке Стравинского она никакого отношения никогда не имела...

"Болеро" Равеля – одна из культовых партитур XX века: она в постановке Бежара до сих пор пользуется особым зрительским успехом. В этом бежаровском шедевре всего один-единственный персонаж – Мелодия, которую, танцуя на красном круглом столе, воплощает танцовщица (или танцовщик), притом что хореография всегда остается неизменной. Эту партию Бежар, как правило, доверял только избранным – Сьюзенн Фаррелл, Майе Плисецкой, Хорхе Донну, Сильви Гийем... На этот раз Мелодия в исполнении Элизабет Рос "прозвучала" весьма неуверительно: вялая и нечеткая работа ног, формальные пассы руками... В ее танце скорее угадываются некие "мотивчики" нашей повседневной безликой жизни, где нет места ни ритуальной магии, ни "сакральной" эротике, словом, всему пафосу бежаровского жертвоприношения Эросу и Танатосу, что и составляет саму суть его очень восточного "болеро". "Брель и Барбара" – одна из последних постановок Бежара, которая была создана по заказу Генерального совета департамента Роны, – премьера прошла в Лионе. Она насыщена многочисленными ассоциациями, к сожалению, доступными только французам, притом знающим определенный культурный контекст Франции 60-х годов. Балет имеет и другое, трудно

переводимое на русский язык название "Lumiere" – это и свет, и метафора кинематографа, который в Лионе на своем заводе изобрели братья Люмьер. Бежара с детства завораживало кино – впоследствии он сам снял ряд кинофильмов. В одном из них – "Я родился в Венеции" – одну из главных ролей сыграла его подруга, знаменитая певица Барбара (настоящее имя Моник Серф – ее мать была родом из России), однажды она сказала ему: "Я – черный свет!" Она всегда выступала в черном, была одной из самых эксцентричных фигур парижской богемы 60-х годов – с ней очень дружил знаменитый шансонье Жак Брель – автор песни под названием "Свет"...

К сожалению, на гастролях была показана лишь серия фрагментов этого балета, о чем зрители забыли предупредить. Поэтому понять логику сценического повествования не удалось даже знающим подробности биографии двух певцов – она отсутствовала...

Наслаждаясь замечательными шансонами "шестидесятников", я поражаюсь примитивности и иллюстративности хореографии Бежара, хотя понимала – этот балет ему дорог как воспоминание о былом!

Каждому художнику судьбой предначертан свой путь в искусстве. Марселец Мариус Петипа под закат творческой жизни поставил свою блистательную "Раймонду" (тогда ему было 80 лет!). Другой его соотечественник, Морис Бежар, уже сейчас тоскует по годам былой славы – по XX веку.

Виолетта МАЙНИЦЕ  
Фото  
Михаила ЛОГВИНОВА